

Он спросил, хочу ли я его поцеловать.

Разумеется, хотел. Каждое божье мгновение только об этом и думал: всякий раз, когда взгляд случайно скользил по его губам, да и вообще без перерыва. Но под этим пристальным взглядом меня вдруг обдало такой нелепой робостью, что язык буквально отнялся.

— Н-нет... — вытолкнул я едва слышно. Голос прозвучал тише комариного писка.

И тут же сгорел от стыда. Каким же дураком надо быть! Стер бы эти секунды, вернулся назад — и выложил бы всю правду: хочу, безумно хочу! Но слово не воробей. Своей же глупостью я упустил долгожданный миг.

Подавленный, я все же поднял глаза. Минчэнь смотрел на меня всё с той же мягкой, слегка лукавой улыбкой.

— Подумай хорошенько, А-И, а потом уже отвечай.

Будь оно все проклято. Ну разве можно улыбаться так красиво? Разве можно говорить таким обволакивающим голосом?

Задумываться мне не требовалось вовсе.

— Хочу, — вырвалось у меня раньше, чем я успел себя остановить. — Очень хочу.

А он, будто смакуя мою растерянность, понизил голос до полупшепота:

— И чего же ты хочешь, м-м?

Я снова запнулся:

— Я... я...

— Не бойся, — ласково подтолкнул он меня. — Скажи прямо. Чего ты желаешь?

Пар, пропитанный горьковатым ароматом целебных трав, становился все гуще, а родное, чистое дыхание Минчэня ощущалось совсем рядом. Желание, так долго таившееся в глубине души, рванулось наружу — будто весенние побеги, взламывающие мерзлую землю.

— Поцеловать тебя хочу, — произнес я.

Но этих слов казалось мало, чтобы передать весь мой голод и нетерпение.

— Поцеловать тебя, — повторил я упрямо, заглядывая ему прямо в глаза. — Безумно хочу.

Его взгляд потемнел, став глубоким и темным, как ночной омут. В жаровне с треском лопнул уголек, рассыпав сноп искр в звонкой тишине комнаты, но ни один из нас даже не вздрогнул. Мы долго не могли оторваться друг от друга.

— Так почему же ты все еще там? — тихо спросил он.

П-почему?..

Мы и без того сидели вплотную, прижавшись бедром к бедру. Куда еще ближе?

Но тут я разглядел в его глазах ответ. Это был молчаливый призыв, бессловесное приглашение: «Иди ко мне».

Затаив дыхание, я подался вперед. Сантиметр за сантиметром.

Его теплое дыхание коснулось кончика моего носа, словно невесомое перо, заставив сердце сжаться от нежности. Желанные губы находились прямо перед лицом — дразнящие, неизбежные. Еще миг — и мы соприкоснемся...

Грохот!

Дверь с шумом распахнулась. Мы оба вздрогнули и отшатнулись друг от друга.

— Ваше Высочество! Вы в порядке?! — с диким криком в комнату ввалился Сяфэн.

Он метеором метнулся к очагу, нагнулся и подхватил что-то с пола:

— Ох, надо же! Это просто крышка от чайника соскочила! Слава богу, обошлось, ничем не ошпарились!

Я, переводя дыхание, взглянул на жаровню: оказывается, вода давно закипела, и клубящийся пар так исступленно подбрасывал медную крышку, что она в конце концов слетела на пол с оглушительным звоном. А мы... мы в своем беспамятстве даже ничего не услышали.

В груди закипела лютая досада. Ну надо же было заявиться именно в этот миг! Раньше не мог? Позже не мог?!

Я нарочито громко откашлялся, скрывая смущение, и чеканя слова произнес:

— Свободен. И пока я не позову, без доклада не входить.

Дверь захлопнулась, и в комнате вновь воцарилась тишина.

Увы, внезапное вторжение развеяло всю ту смелость, что я наскреб с таким трудом. Я снова превратился в косноязычного недотепу.

Снова кашлянув, я опустил взгляд и робко нащупал его пальцы своей ладонью.

— Ты...

— Хочешь мандарин? — одновременно со мной произнес Минчэнь.

Мы оба осеклись, смущенно переглянувшись.

— Хочу, — буркнул я.

Над угольной жаровней стояла металлическая решетка — на ней обычно грели чайник или поджаривали снедь. Взяв с подноса пару сочных мандаринов, Минчэнь положил их на прутья, а затем налил мне чашку свежесваренного чая и протянул с полуулыбкой.

Я обнял фарфор двумя руками и стал делать мелкие глотки. То ли от жара углей, то ли от неловкости щеки мои пылали немилосердно. Поднять на него глаза я не отваживался, да и нужные слова никак не подворачивались. В груди сладко и мучительно зудело, будто сотни муравьев ползали прямо по сердцу.

Минчэнь тоже молчал. Оперевшись локтями о колени, он поддевал пальцами стебелек и покручивал пухлый плод на решетке. Мандарин подпрыгивал и крутился. Едва останавливался — Минчэнь крутил его снова.

Вскоре по комнате поплыл горьковатый пригар.

— Кожура горит, — не удержался я.

Он будто только сейчас очнулся от своих мыслей, тут же отдернул руку и виновато улыбнулся:

— Прости, засмотрелся.

К счастью, подпалилась лишь самая корка, а мякоть осталась сочной и нежной. Эти фрукты привезли из усадебного сада: они и так-то исходили сладким соком, а прогревшись на углях, стали и вовсе медовыми.

— Сладкий? — поинтересовался Минчэнь.

«Да куда уж ему до тебя...» — подумал я.

Он вдруг замер, уставившись на меня. И тут до меня со страшным опозданием дошло: я высказал эту мысль вслух!

Мне казалось, будто тот самый невидимый муравей теперь ползал по нам обоим, заставляя сердца трепетать от сладкого, пьянящего зуда.

Атмосфера была до нелепости чарующей. Ни один из нас больше не произнес ни слова. Мы молча избегали прямых взглядов, зато касались друг друга кончиками пальцев, передавая беззвучные, обжигающие знаки. Какая мучительная, тайная близость — изводящая душу, но такая желанная, что хотелось растянуть ее навечно.

Но спустя час, когда свечи догорели и погасли, я лежал в крошечной тьме, и мысли мои окончательно бунтовали.

К черту все! Я хочу поцеловать его. Прямо сейчас!

Мне не нужны ни ужимки, ни тайные намеки. Я хочу обнимать его каждый божий день, липнуть к нему и кричать на весь свет о том, как сильно я его люблю. Я хочу любить его открыто, не таясь ни от кого!

В тот же миг под одеялом на мою ладонь легла его теплая рука. И пальцы сплелись с моими.

— Ты ведь меня еще не пробовал, — прошептал Минчэнь из темноты. — Откуда тебе знать, насколько я сладок?

В моей голове будто лопнула натянутая струна.

Я подался вперед и накрыл губами его едва прохладные губы.

Слаще печеных мандаринов. Слаще пирожных из маша. Слаще финиковой пасты. Слаще всего, что только существует под этим небом.

Однако Минчэнь мягко уперся ладонью мне в грудь и чуть отстранился. Я растерянно моргнул, пытаюсь разглядеть его лицо; в темноте его глаза сияли ярче ночных звезд.

— Целуются не так, — шепнул он мне прямо в ухо. — Давай я тебя научу.

Едва ощутимым нажатием он уложил меня обратно на подушки и накрыл сверху своим телом.

Теплые, мягкие губы снова коснулись моих, но на этот раз — ласково, невесомо, завлекая.

Голова пошла кругом, хоть я все еще пытался глупо размышлять: почему это «не так»? Я ведь делал ровно то же самое...

Нежное прикосновение опьяняло. Но в следующее мгновение я едва не задохнулся от изумления, вытаращив глаза в темноту.

Он... он раздвинул мои губы влажным кончиком языка и уверенно проник внутрь!

— М-м... — вырвался у меня беспомощный, тонуший стон.

Пальцы сами собой судорожно вцепились в его тонкую шелковую исподнюю рубашу. Минчэнь успокаивающе погладил меня по пояснице, и напряжение, сковавшее тело, моментально растаяло.

Он хозяйничал в моем рту, умело, властно забирая себе каждый вздох. Я совсем потерялся, отступая без боя, а когда подаваться назад стало некуда, неумело ответил на поцелуй, сплетаясь с ним языком.

Земля ушла из-под ног. Дыхание сперло, перед глазами поплыли золотые круги, но даже сквозь эту пелену я чувствовал его ободряющий, горячий омут. Наши губы и языки сплелись так крепко, что стиралась всякая грань — где я, а где он.

Свежепереодетые ночные рубашки вымокли от пота. Мы целовались целую вечность. В конце концов я абсолютно лишился сил, распластавшись на постели и забыв, какой нынче день и где я вообще нахожусь.

А прямо над ухом раздалось его сбивчивое, хриплое дыхание.

— Ну что... — тихо прошептал Минчэнь. — Научился?